

Сафар Хабдиев

ПОЛУШУБОК

Рассказ

Замечательный повод подвернулся заглянуть к Мурзе. Конечно, к доброму соседу зайти и повода особенного не нужно, но когда есть с чем пожаловать, то и постучаться как-то сподручнее.

Лето с горы побежало, но то, что за ним осень заявится, а след в след и зима нагрянет — это Роман как-то упустил из виду, пока жена не вывалила на солнцепек зимнюю теплую одежду. На протянутой из конца в конец двора проволоке, прихваченные прищепками, проветриваются и пропекаются демисезонные и зимние пальто, телогрейки, плащи, шерстяные свитера; мимо них не пройти — удушливый резкий запах нафталина перехватывает дыхание, режет глаза. И посередке, на самом видном месте — полушубок Романа. Незаменяемая вещь. Только в прошлом году и купил, уйму денег отвалил из рук в руки на воскресном базаре в Беслане. Хоть и обошлась дороговато, но он не жалеет о сделке: дело престижа, да и забот с холодом как не бывало — не обнова, а батарея отопительная, нипочем был Роману лютый мороз прошедшей зимы. Только вот в этом году показаться в полушубке на люди — сраму не оберешься: за один сезон цвет полушубка изменился до неузнаваемости. Да к тому же вещь оказалась маркая. Другого выхода нет, как покрасить. Интересно где красят овчины? Надо спросить у Мурзы, он калач тертый, вездесущ, надо ему — не надо, но будет знать. Он сегодня, кажется, с ночной, наверняка уже отдохнул. Да и вряд ли в кровати до такого часу утерпит — всегда найдет чем заняться. Ладно, подождем, пока скотину загонит. В сумерках Роман постучался в ворота Мурзы:

— Эгей, хозяйева!

Из глубины двора, захлебываясь тонкоголосым лаем, выкатились два щенка, тщатся просунуть в узкую щель под воротами свои мордашки, но ничего у них не получается, а лаять вхолостую — глупо, и потому притихли, только так еще, больше для видимости, лениво тявкают. Не видят Романа, а то бы, и говорить нечего, не позволили себе такое негостеприимство, прекрасно его знают, не раз и не два были у нею и дома, увязавшись за Мурзой. Конечно же, они признали его по голосу, а все-таки у них есть веская причина: глазом не видим тебя и, уж извини, делаем свое привычное дело, не обессудь... Роман снова постучался, теперь громче.

Мордашки опять засуетились под воротами, только щель была так же узка, и они скрылись и уже не злобно, а как-то вяло то ли ворчали, то ли скулили.

Послышался голос хозяина дома:

— Это который там? Иду, иду!

И опять мордашки тут как тут, но жаль, нет возможности отличиться и заслужить одобрение хозяина.

— Эх, мальчики вы мои несмышлениши, — слышится недовольное бурчание хозяина. — И когда же вы усвоите правила караульной службы: раз стучится — значит, не злоумышленник. Пора бы усвоить эту нехитрую науку, но вы какие-то второгодники. Или, думаете, я не слышу стука?

Только услышали щенки голос хозяина, уже и не твякнули.

— А, это ты, Роман. Ну, входи!

— Если бы не твои волкодавы, я бы и без приглашения...

Убедившись в миролюбивом тоне хозяина, щенки — черный и пестрый — укатились друг за дружкой в глубину двора, забились в угол.

— Может, ты был занят, а я...

— Да нет, серпом срезал траву для скотины — вот и вся работа. Кругом все выгорело и как волки голодные прибегают домой. И бурьян заостенел, косой не взять, а серпом орудовать для меня самое противное занятие.

Разговаривая, Мурза крутил меж пальцев черную пластмассовую пуговицу, а на рабочей куртке там, откуда оторвалась пуговка, осталось невыгоревшее темное пятно и торчали обрывки ниток.

Роман окинул взглядом двор — что же тут появилось нового, зря, что ли, несколько дней раздается перестук молотка и визжание ножовки.

— Ого, над колодцем навес соорудил, а я еще и не видел.

— Не нравится?

Оба — мастера на все руки, к чему притронутся, все будет ладно и пригоже, однако один в работе другого всегда отыщет какой-нибудь изъян.

Роман обошел колодец. Бетонное кольцо. В бетон же вмурованы четыре железных трубы, поддерживающие односкатный навес из трех листов шифера. Не придерешься.

— Виноград распростерся над колодцем и то паучок какой, то мошка, то листочки разные попадали в воду. А для меня это — нож к горлу. Увижу в ведре хоть дохлого комарика — весь колодец выкачаю. Зоя! — неожиданно крикнул Мурза в сторону дома. В окно выглянула дочь Мурзы. Увидев Романа, она просияла:

— Вот кто к нам пожаловал, сколько лет, сколько зим!

— Да, да, давненько я у вас не был, лисичка, — улыбнулся ей Роман.

— Зоя, принеси-ка мне иголку и коричневую нитку.

Девушка скрылась. Мурза повернулся к Роману:

— Сейчас посмотришь, будет ворчать. Но если сам не пришью пуговицу, то, боюсь, до вечера отвалится.

Зоя подбежала к ним:

— Дай-ка, не срами перед людьми. Можно подумать, в этом доме нет женской руки, умеющей держать иголку.

— Ладно, сам справлюсь. Роман давно уже не жених. Ты иди, займись своим делом. Объяснять Зое, что к чему, не было нужды. Если матери нет дома, а пришел гость, знает, что она за хозяйку, и не подведет.

— Зоя, завтра, говоришь, уже в школу?

Хоть Роману и прекрасно известно, в какой класс она перешла, все равно спросил, желая доставить ей удовольствие лишней раз похвастаться.

— В какой это ты класс, говоришь, перешла, вылетело как-то из головы...

— В десятый! — девушка зарделась до ушей, радость брызнула из глаз.

— Ты смотри, как лихо годы летят! Меньше в них дней стало, что ли...

С улицы послышалось урчание автомобиля, потом оглушительно хлопнула железная дверца. На знакомый шум сорвались с места щенки. Таймураз как очумелый вбежал во двор. Щенки радостно закружились-завертелись вокруг него, не давая шагу ступить. Таймураз сделал обманное движение, будто собирался схватить их, и двор наполнился радостным визгом, щенята подпрыгивали, норовя лизнуть в лицо, и он отбивался от них обеими руками, но они так стремительно увертывались и крутились, что превратились в сплошной клубок вихря.

— Э, вижу, не отстанете. Правая твоя, Пеструшка, левая твоя, Чернушка.

Таймураз присел между ними и щенки по разу лизнули его: Пеструшка — в правую щеку, Чернушка — в левую.

— Хватит, хватит, не до вас, некогда. О, здравствуй, Роман, — пока чуть не столкнулся с ним лоб в лоб, Таймураз не заметил гостя, увлекшись возней с щенками.

На ходу расстегивая клетчатую полурукавку, он в два прыжка преодолел ступеньки крыльца, в мгновение ока обернулся назад, держа в руках что-то свернутое — швырнул его Зое, она схватила на лету: брюки.

— Утюжь! И живо!

— Вечно спешит, как голый в баню! — недовольно заворчала Зоя. — Оскомину уже набило — каждый Божий день утюжь и утюжь его брюки.

— Шевелись, говорю, некогда лясы точить, — ребята меня дожидаются.

А сам нырнул в огород к высоко вознесенной крепкими шестью железной бочке, жарящейся на солнце с утра до вечера — под душ.

— Пора тебе свою семью завести, пора, — бросил ему вслед Роман. — Какого еще лешего дожидаешься? Сватом сам пойду, ты только кивком на нее укажи. И Зоя передохнет, ничего не будет ее отвлекать от учебы.

— О жене, то есть, толкуешь, да? — Таймураз остановился у лаза через плетень. — А не видишь рядом женатого — чем его доля завиднее моей? — кивнул он на своего отца и поспешно скрылся.

Мурза спиной прислонился к бетонному кольцу, улыбнулся словам сына и сокрушенно мотнул головой:

— Совсем отбился от рук после армии.

— Вот так! — ударил в ладоши Роман. — Царство небесное незабвенной памяти предкам, все их поговорки без промаха бьют: каково семя, таково и племя.

Роман засмеялся, Мурза тоже не сдержался, хмыкнул несколько раз.

В полутемном сарае щелкнул выключатель, и Зоя позвала их:

— Прошу к нашему шалашу...

Мурза встал, натянул куртку, застегнул пуговицы и одернул ее — проверил, ладно ли сидит, пошел впереди Романа под сарай.

— Пойдем, взглянем, чем это нас Зоя потчует. Хозяйка наша уехала к своим, и всю неделю бразды правления в руках у девочки.

— А я ведь по делу заглянул к вам, Мурза, не ради застолья...

— Никуда не денется твое дело, потерпит, сперва промочим горло.

Роман не из тех, кого долго упрашивать...

На столе — обычное для лета осетинское угощение: остывшие пироги с начинкой из свежего сыра и листьев свеклы, добрая половина утки, салат из помидоров, круто приправленный молодым горьким перцем, малосольные и свежие, только с грядки, огурцы, длинношей пузатый графинчик.

Сидят, выпивают. А когда же им еще бражничать, раз Бог выдумал для утоления жажды и горячительное... Заводить семьи — нет уж этой заботы, птенцы вылупились, оперились, кто еще определяется в жизни, а кто и определился уже, а будешь взирать на хлопоты по дому, так им конца-краю нет.

Шестой тост или седьмой — кто их считал — провозгласили за благополучие соседей, ибо добрый сосед, сказали, лучше худого кровного брата или живущего далеко родственника: твое горе первым сосед разделит, твою радость первым он же, сосед, поддержит; короче, твое дерево валится — дом соседа подминает под себя. Но тут Роман так разошелся, такие стал выписывать кренделя в красноречии, что Мурза, не выносивший чужого краснобайства, вынужден был намекнуть ему:

— Ты о каком-то деле заикнулся, помнится, так смотри, чтоб напрочь не забыл про него. Роман круто осадил «коня», лихо развернулся, будто долгая речь его тоже к этому как раз и шла через перевал тоста:

— Не такое уж оно и важнецкое дело, но ты подсоби мне советом. Одним словом, без слез на мой полушубок не взглянуть, таким стал замызганным за зиму, — и вот думаю, где бы его покрасить?

— Что, новый ледниковый период наступает? Лето, а ты — полушубок...

— Готовь сани летом...

Мурза сам давно мечтает приобрести овчину, да все не удается. Он согласен ходить разутым и раздетым, чем что попало возьмет на толкучке. Не денег, ясно, жалко, — просто он дал слово ничего не брать у спекулянтов: «Товара из магазина хватит всем — и мне больше того не надо. Сами их приучаем к коммерции, вот и сдирают с людей три-четыре шкуры». Он не верит в брехню, что якобы спекуляция жива тем, что не хватает нужных вещей. «А вы бы не вырывали из рук, не мерк бы свет у вас в глазах из-за тряпья-барахла, они бы уступали за полцены». Вон он и ждет-ждется появления дубленок в магазинах...

Был бы на трезвую голову у них разговор, он бы и не вспомнил о своей «дубленой» мечте, но коль пропустил первача подряд несколько граненых, то и выиграло в нем самолюбие от напоминания о полушубке, то есть он, Роман, хочет исподтишка хвастануть, что у него, мол, есть вождеденный полушубок, а у тебя, Мурза, растяпа, нет...

— Папа, кажется, твои мальчики кого-то загрызли.

Увлеченные столь захватывающим разговором, они и не обращали внимания на злобный лай собачек, уж столько времени самозабвенно старающихся привлечь внимание хозяина.

— Да ну их! Наверное, снова наскочили на хомяка, а он, подлец, скрылся в своей норе, вот и возмущаются. Подними-ка свой бокал, Роман. Да благоволят к нам дарующий изобилие Уацилла и покровитель животных Фалвара. Осень у порога, и дай Бог в безмятежности новым хлебом возблагодарить их. Без хлеба и скотины крестьянину жизнь не в жизнь, и пусть никогда святые Уацилла и Фалвара не обделяют нас ими, — не требуем, а молимся вам, о святой Уацилла и святой Фалвара!

Заливаясь лаем, щенки подбежали к хозяину — что-то уж слишком важное случилось, а то бы они не посмели нарушить застолье, в глазах у них была виноватость, но и решительность, ибо, как они разумели, дело стоило того, чтобы на время выйти из-за стола и последовать за ними, — они побежали в огород. Там подождали его, не прекращая свой деловитый брех, но когда он все не показывался, снова прикатились.

— Они неспроста жалуются, — Мурза встал. — Ты извини, я, так и быть, погляжу, что там стряслось. Уважить надо мальчиков.

Роман закурил и стал ждать. Щенки умерили лай, теперь лишь жалобно поскуливают, а Мурза им что-то наговаривает. Через некоторое время вернулись втроем. Когда Мурза занял свое место, щенки положили ему на колени передние лапы, на лапы — мордашки, и притихли, для них настала самая счастливая минута: службу свою выполнили отменно, хозяин похвалил, и можно позволить себе расслабиться — положить морды на его колени. От великого блаженства они щурили глаза.

— Я же тебе сразу сказал, что неспроста мальчики жалуются: теленок отвязался и давай топтать капусту. А эти уж не потерпят такого беспорядка. Хорошие мальчики, — он нежно погладил головы щенков. Глаза их совсем закрылись — с открытыми глазами вынести такое счастье — извините, не под силу, только пушистые хвосты упруго забились по цементному полу сарая.

— Воспитанные у тебя твари, — похвалил и Роман. — Иная бы собака, пусть стол простит неподобающее слово, — уставилась на еду, а эти будто ничего и не видят, так ведут себя.

— Неужели думаешь, я им зря в похлебку лавровый лист и укроп кладу, чтобы они еще и на стол вострили уши? Не-е, воспитаннее в собачьем их роду трудно сыскать, — Мурза опять погладил их по головкам, и хвосты энергичнее забились о цемент. —

По-человечески понятливы мои мальчики.

Да, действительно смышленные, Роман не раз убеждался в этом. Скажем, выходит Мурза со двора в небрежно накинутом на плечи пиджаке, они наперегонки бросаются ему под ноги, знают: или направляется навстречу возвращающейся с выгона скотине, или к реке, или хочет наведаться к кому из соседей. Кто опередит, тот и станет попутчиком, другому оставаться сторожить дом. А придется сопровождающему у чужих ворот проторчать с утра до вечера, или с заката до восхода — не оставит поста до появления хозяина. А, скажем, оденется Мурза строго — ни один не последует за ним даже за ворота, знают — на работу или дальше села идет.

Открыто завидует ему Роман: стоит где возникнуть разговору-басенкам о собаках, Мурза хвалится-не нахвалится на своих мальчиков, никогда не видевший их человек может представить себе щенков породистых, позвякивающих медалями на шее, но никак не обыкновенных сельских дворняжек, выброшенных за ненадобностью слепыми щенятами в крапиву.

— А я все не забываю твоего Тагуна, — сказал как-то печально Роман.

— Да-а. Лучший из моих мальчиков был.

Не от тоски по детям — хватит у него своих детей, но почему-то с незапамятных времен Мурза всех перебивавших у него псов ласкательно зовет мальчиками. А четвероногие верные друзья окружали его всегда.

— Светлая память ему, бедняжке, нашему Тагуну, никто потом мне столько доброй службы не сослужил — сигареты таскал из магазина, и удочки на речку и обратно, — Мурза коснулся любимой темы, часами может пряхсть пряжу легенд, былей и небылиц о собаках, толком сам уже не различая, где быль, а где плод его фантазии. Да еще так взгрустнул, опечалился, что можно было подумать: речь идет о потере самого близкого человека.

— Не будь меня, не видать бы тебе больше Тагуна...

— И то верно. Ты заслужил самый почетный из бокалов.

Той осенью Мурза уходил в армию. Кто бы оказал пареньку такую честь и выделил машину, а автобуса в селе в то время еще и в помине не было. Кто-то из провожающих подхватил тощий хурджин призывника и всей ребятней с улицы вышли проводить его до Беслана. Следом увязался и Тагун. Его прогоняли, кидали в него камнями, возвращая назад, но он давал по степи изрядный крюк и все оказывался впереди, пристраивался ближе к хозяину. А как дошли до окраины Беслана, то уже не то чтобы камнем в него кинуть — даже окриком никто не пугал: заблудится, чего не бывает, а собака — каких поискать, да вряд ли найти... На железнодорожной станции и вовсе позабыли о нем. А Тагун, бедолага, смотрел и не верил глазам своим: быть бы этому парнишке его хозяином, да голова бритая смущает, и не он бы, но одежда хозяйская. Вагон уже тронулся, а Тагуна все еще терзали сомнения — хозяин это его или нет? Не день и не два — целых полгода маялась собака между станцией и воскресным базаром: то сыта, то голодна, то бита, то обласкана. Но она ждала, ждала хозяина. Как-то видит Роман: Тагун трусцой бежит в сторону базара.

— Тагун! Тагун!

Собака стала как вкопанная. Растерянно огляделась. Чудеса, да и только — за столько времени не забыла свое имя.

— Тагун! Тагун! — ласково позвал Роман и похлопал себя по коленке. — Тагун...

Собака сконфуженно повернулась к нему, присела на четвереньки и, взбивая хвостом дорожную пыль, на брюхе подползла к Роману, виновато и жалобно скуля.

Роман гладил ее голову, чесал за ушами, ласково приговаривая:

— Кого я встретил! Ах ты, Тагун! Мы уже не думали увидеть тебя живым, мальчик наш. Хозяин твой в каждом треугольнике о тебе справляется, а мы скрывали от него, что ты пропал.

От важного предприятия на базаре отказался Роман и вернулся в Зильгу с собакой. В тот же вечер все подробности изложил в письме к Мурзе...

— Ты садись, садись, чего вскочил — не на званом же пиру сидишь, в самом деле...

— Клянусь, не сяду! Не из-за твоего бокала встал — своей совести такие почести воздаю, как говорится.

— Вы дома, Мурза? — слышалось с улицы.

— Да будь ты не тем местом помянута, и чтобы у тебя язык отсох — под самую руку кричишь, что... — Роман разразился недобрыми пожеланиями.

В воротах показалась его жена Вера.

— И наш тут, — притворно удивилась она.

У мужика одновременно дрогнули густые, с проседью, усы и широкие брови, он нахмурился, но бокал все еще держал, как и полагается, на уровне груди.

— А ты будто не знала, где я, — и Роман двумя большими глотками расправился со стаканом.

— Очень ты мне нужен, просто до зарезу, — фыркнула Вера.

Войлочной плетью прошлись друг по дружке муж и жена.

Быть тут Мурзе да и не подлить масла в огонь — лучше отрежь ему уши. Начал издали:

— До чего все-таки поразительна жизнь: муж — недотепа, а — дорог. Конечно! Потому как никто тебе не отдаст своего пригожего. Ведь ни красенький, ни серенький на дороге не валяются, — он хлопнул в ладошки, будто и сам дивился своему открытию. — Только сейчас до меня и дошло, почему это Вера без тебя часу не может прожить. А

наша-то какому святому не угодила, за что ее Бог покарал — или, точнее, меня ею покарал: хоть месяц не появлюсь в доме, у соседей буду загорать — нет, шагу не ступит в беспокойстве, лучше свой век будет куковать без мужа. А у других и обрубок мужика за целого сходит...

— Счас как трахну графином по башке, так вмиг различишь, где действительно пенек от мужчины, а где и ствол — не на шутку рассвирепел Роман.

— Это почему же он недотепа? — ревниво полюбопытствовала Вера.

— Потому что во время операции у человека что-то оттяпали и, значит, он остался недотепой, а это все равно, что недотепа, а, попроще говоря, обрубок, колода, — Мурза проигнорировал угрозу Романа.

— Тебе шутки-шуточки, а у меня было жутко туточки, — Вера показала под левую грудь.

— Да и вся фамилия с ног сбилась, волнуясь за него. Тьфу, тьфу, — символически плюнула она в сторону мужа, — не быть тебе сглазу, не чаяли уж, что он еще когда-нибудь самостоятельно поднесет ко рту еду-питье. Слава Богу, радоваться только нам, что он и ест, и пьет.

— Ты погоди рукоплескать-то, — как можно равнодушнее бросил Мурза. — Не говори «гоп», пока...

— А что, что «пока»?

— Ты видела наше деревянное корыто, в котором утята учатся плавать?

— Да.

— Вот и забери его к себе — на время, конечно, потому что в скором времени и его не будет хватать...

— О чем ты все, Мурза? — Вера глубоко заглотала наживу.

— Ты действительно настолько наивна, или пытаешь меня? — Мурза глянул на Романа.

— Он тебе разве не объяснил ничего?

— Да умереть мне под твоими ногами, ни слова, клянусь своими...

— Не надо клясться, и так верю. Ему же Китаева делала операцию? Верно говорю?

Верно. А ты хоть раз видела у него разрез, пока швы не сняли? Ага, я так и знал, что ты не раз видела, смотрела. А внутри, изнутри, то есть, там-там, в глубине, думаешь, так просто: раз оттяпать — и готова операция на желудке?

Перед глазами Веры в замедленном темпе прокручивались кадры тех дней, ожиданий, тревог, бессонных ночей у постели больного, — она невольно вздрогнула, как будто на пронизывающем сквозняке очутилась.

— Согласен, ты и не могла этого видеть. А я досконально знаю. Китаева первым долгом разрешила шкуру Романа, то есть, извиняюсь, полушубок, о, тьфу, наволочку... О, Бог, ну помощи, Вера, как это называется, — Мурза ущипнул себя за кожу живота.

— У, дурела, развесила уши! — упрекнул жену Роман, чтобы не уронить себя в глазах Мурзы, ведь и сам тоже сгорал от нетерпения узнать, что за чушь этот пройдоха наплетет...

— Ну раз ты считаешь, что она не достойна знать правду, жена-то твоя, то...

— Мурза, продолжай, что ты его слушаешь? Он грызет ножку утки и пусть себе грызет. Никогда сам ничего толком не расскажет, и людям поперек горла...

— Тогда, значит, Китаева вскрывает живот, раздвигает потроха и только лишь после этого она принимается за утробу, кромсает лишнее и зашивает обратно.

Роман спокойно жевал ножку утки.

— И вот — слушай внимательно, Вера, вся соль здесь — пока рана на пузе хорошо не

зарастет, не заживет и не станет еле заметным рубцом, до тех пор меняют повязки, мажут лекарством, следят, одним словом. А как быть с разрезом самого желудка? Как до него добраться, как мазь намазать, лекарство употребить, повязку там... чтобы и там рана хорошо затянулась? Знаете? На самом желудке, там-там, во тьме...

Роман даже глаза на него не поднял, обглаживал косточку, а жена его встрепенулась, предвкушая открытие в области медицины:

— Право, право, я и сама часто над этим ломала голову.

— Я тебе откровенно скажу, все обрисую по правде: Китаева как зашивает желудок, так в животе оставляет маленького щенка, чтобы он облизывал нутренний шов, оберегал от заражения. А оперированный начинает есть и за себя, и за щенка. Об остальном сама догадываешься, как растет щенок, так и увеличивай порцию. Вот видишь: Роман мясо съел для себя, а кость грызет для щенка!

— Чтоб ты язык свой проглотил, Мурза, что ты мне голову морочишь, я же теперь бояться буду спать в одной комнате с ним.

— А ну, топай отсюда домой и немедленно! — У Романа иссякли все запасы терпения. — Надоела своей сорочьей болтовней. Этот врет — глазом не моргнет, а у тебя уши не вянут — развесила их.

Женщина безропотно повиновалась — безотказно сработала выучка: муж одно слово два раза не повторял.

— А работа на железной дороге тем дурна, — развернулся Роман фронтом к Мурзе, — что работает человек ночь, а двое суток басенки сочиняет от безделья. Чего уставился? Давай, наливай за берекет, пора и честь знать... Да и по тому делу, что до тебя привело, еще не дал мне толкового...

— О чем ты? Я как-то запомнил.

— Где, говорю, мой полушубок покрасить?

— Что ты заладил, «мой полушубок», «мой полушубок», скажи ради всех святых? Оставь его в покое, хозяин полушубка сам что-нибудь предпримет.

— И кто же хозяин, не я, что ли?

— Это почему же ты?

— А кто же?

— Вот я сам.

— Эге, деньги платил я, зиму носил я, а ты откуда хозяином выискался?

Роман уставился на Мурзу, Мурза на Романа, в такой позе застыли на некоторое время. Потом Мурза вздохнул тяжело-тяжело:

— Как жаль, что на свете еще столько недоумков...

— Почему это я кажусь тебе недоумком? — обиделся Роман.

— Потому что считаешь себя не гостем на этом свете, а Кашеем Бессмертным.

— Все мы гости...

— Во-во, то же самое я хотел жирно написать химическим карандашом на твоём временном памятнике из ствола акации...

— Ты это на какую дорогу вышел?

— На ту, по которой тебя тихо понесем в ту страну...

— Почему меня?

— Ты что, только что был гостем на земле, теперь не согласен?

— Гость, но...

— Вот и умрешь, как тебе и положено. Кто будет обмывальщиком твоего трупa, как не я?

И вот, согласно дедовским славным обычаям — надеюсь, ты не против них? — вот и прекрасно, — мне достанутся полушубок, который пока еще твой, и твоя же — пока! — золотистая бухарская папаха, твои красные хромовые сапоги. И по закону левирата мне же достанется твоя голубоглазая жена. И в довесок ко всему с твоих поминок прихвачу домой зеленое эмалированное ведро плова перченого...

— Кто с тобой о деле говорит, тот глупее тебя во сто крат! — Роман порывисто вскочил из-за стола и ни разу не оглянувшись, зашагал прочь.

...Мурза не из тех, которые что-то недоговаривают: он только добавит к были небыль. На второй же день полусонным пассажирам первого рейса автобуса Зильга—Беслан поведал все и, смеясь, закруглил:

— Вынесла его душа и утерю полушубка, не возражал и против папахи и сапог, даже из-за жены не обиделся, но ведро плова его доконало — что это за грабеж среди бела дня, говорит, куда ты целыми ведрами таскаешь?

...До поздней осени Роман обходил дом Мурзы, но в дни Великого Джеоргуба, когда по очереди начали обходить соседи друг друга, благословляя жертвоприношения святому Георгию-Победоносцу, как же им не встретиться было за одним пиршеским столом.

Мурза с порога заметил, что Роман, как черт от ладана, воротит нос.

— Ты заикаться начал, что ли, сосед?

— Клянусь Аллахом, ты не то что заику, мертвого вынудишь сказать пару слов, — из-под усов Романа выскользнула улыбка-ухмылка.

Опубликовано - Владикавказ: Ир, 2002.